

Сюэ Вэнь ошеломлённо покачал головой. Каков наставник, таков и ученик — этот младший брат оказался под стать своему старшему, Бай Чуханю.

«Твой старший подговаривал меня грабить чиновничьи усадьбы, а ты подбиваешь купить должность у самого императора!»

Цзян Умянь оставался невозмутимым.

— Этого пути вполне достаточно, — спокойно возразил он. — Префект Ли Мин не умеет держать подчиненных в узде. Сначала уездный судья Шаоюаня сбежал при первой угрозе, затем судья Фан Пин погряз в бесчинствах и истязал простой люд. Срок Ли Мина на посту префекта подошёл к концу. Так почему бы ему не освободить место для другого?

Сложно сказать, что хуже: ссылка на глухую границу или перевод в Линнань на ту же должность префекта. Слабому здоровью многоуважаемого учителя и его супруги здешний климат поначалу покажется суровым, но в уезде Шаоюань их можно будет выходить. В конце концов, если не считать вечных миазмов, бурь летом, ледяных ливней зимой и кишящих повсюду змей да ядовитых гадов, место это было не самым скверным.

К тому же Линнань граничит с областью Цзяннань, а главное — здесь они с Сюэ Вэнем смогут присматривать за стариками. Свои люди рядом всегда надёжнее.

Сюэ Вэнь нахмурился. Учитывая оплошность Ли Мина с одной стороны и ценность технологии, которую предложит Цзян Умянь, с другой, император Цзяньюань вполне мог сжалиться над опальным ученым, тронутый столь искренней сыновней почтительностью.

Великие дела вершатся втайне. Нужно было как можно скорее отправить депешу и подготовить всё необходимое в Линнани. Взгляд Сюэ Вэня посуровел, в мыслях созрел чёткий план.

— Отправь весть главнокомандующему Баю, — решительно скомандовал он.

Решено: они в деле!

Но прежде чем ввязываться, следовало прикрыть тылы. Пусть вожак берёт весь удар на себя — в конце концов, выручать собирались его собственного учителя, да и затею подал его же младший брат. Так что Бай Чуханю отсидеться в стороне не удастся при всём желании.

Если император и разгневаётся, то весь его пыл обрушится на Бай Чуханя, пока они сами будут преспокойно отсиживаться в тени.

Цзян Умянь засел за составление чертежей. Разумеется, он не собирался отправлять правителю наброски на скорую руку. Описание оборудования и технологических процессов он намеренно сделал максимально сложным и внушительным. Чем мудрёнее выглядит чертёж, тем охотнее покупатель расстанется с деньгами — в данном случае с опальным чиновником, — не испытывая при этом ни малейшего сожаления.

К чертежам он приложил два послания для своих старших соучеников. Хотя те и находились сейчас в разных краях, Цзян Умянь не сомневался, что у них найдутся надёжные способы связаться друг с другом.

С посредничеством Бай Чуханя дело наверняка сдвинется с мёртвой точки.

Взвесив всё ещё раз, Цзян Умянь пришёл к выводу, что способ очистки сахара принесёт желаемые плоды. Теперь он мог полностью сосредоточиться на подготовке к приёму купеческого каравана.

Разумеется, можно было напрямую попросить императора Цзяньюаня прислать на юг караван с углём в обмен на секрет производства. Конечная цель была бы достигнута, но тогда Цзян Умянь невольно оказался бы втянутым в придворную грызню и примкнул к одной из фракций. Сейчас не время высовываться. Гораздо разумнее придерживаться чистой коммерции: покупать товар у тех, у кого он есть, без лишней политики.

Отложив кисть, Цзян Умянь направился к выходу. Ему нужно было лично проверить, как продвигается подготовка к встрече торговцев.

Улица Мира уже вернулась к привычной жизни. После уборки завалов и мусора большинство зданий на ней пустовало. Бывшие хозяева спешно распродали имущество, чтобы выручить хоть немного серебра и уехать подальше, решив не оставаться в уезде Шаоюань.

Пять из этих строений выкупила уездная управа, чтобы обустроить в них заведение на манер современных гостиниц: в передней части располагался общий зал для трапез, а на заднем дворе — жилые комнаты.

В Великой Чжоу трактиры обычно потчевали гостей, но не имели комнат на ночь, а постоянные дворы давали лишь кров, не заботясь о пропитании. Цзян Умянь же решил объединить обе услуги под одной крышей.

Лу Юй, получив известие о его прибытии, заблаговременно ждал у задней двери.

— Господин уездный судья, вы пришли, — с поклоном произнёс он. — Во дворе всё прибрано и вычищено, можете осматривать.

Над главным входом пока не висело вывески, и случайные прохожие не догадывались, что

происходит внутри, но Лу Юй знал всё до мельчайших подробностей. Вернувшись домой в тот вечер, он долго размышлял о своём будущем. Сдать государственные экзамены ему всё равно не светило, о женитьбе и детях и говорить нечего, так что смена сословия на купеческое его ничуть не пугала.

Проработав долгое время на уездных стройках и став первым десятником, переселившим свою артель в Шаоюань, Лу Юй показал себя человеком хватким, решительным и не боящимся трудностей.

Вернувшись из уезда Пинцин, он прямиком отправился в управу, чтобы переписать сословие в реестре, и с тех пор беспрекословно исполнял любые поручения судьи. Цзян Умянь доверил ему надзор за обустройством Павильона Пьяной Зари — так нарекли новую гостиницу. Лу Юю велели строго следовать планам, вплоть до каждого куста во дворе, поскольку на это заведение у судьи были особые виды.

И вот настал день, когда отделочные работы подошли к концу, и пришло время сдавать объект.

— Всё готово? — спросил Цзян Умянь, переступая порог.

Лу Юй действительно постарался на славу. Каждый уголок усадьбы в точности соответствовал чертежам. Опыт руководства строительной артелью явно пошёл ему на пользу.

Цзян Умянь мысленно одобрил его усердие. Лу Юй подходил для более серьёзных поручений: он умел читать, писать и считать. Если подтянуть его манеру речи и обучить тонкостям ведения переговоров, из него выйдет отличный приказчик для ведения дел за пределами уезда. Ну а пока пусть наберётся опыта в роли управляющего.

— Господин уездный судья, вы хотите сказать... я? Управляющий? — Лу Юй от изумления лишился дара речи.

Когда его посылали в уезд Пинцин продавать плуги для заливных полей, он полагал, что по возвращении возглавит лавку по их продаже. Вместо этого его вновь назначили приглядывать за плотниками. И вот теперь, после стольких неожиданных поворотов судьбы, он вдруг становится управляющим Павильона Пьяной Зари!

— Именно так, — кивнул Цзян Умянь и выложил бумаги. — Вот договор. Но учти, пока это лишь испытательный срок. Жалованье на это время будет половинным, зато за жильё и еду можешь не беспокоиться.

Оцепенение Лу Юя мгновенно сменилось ликованием.

— Благодарю за доверие, господин судья! Клянусь, я приложу все силы, чтобы оправдать ваши ожидания!

Своим спасением он был целиком и полностью обязан Цзян Умяню, а теперь тот ещё и сделал его управляющим целого заведения. Такое великодушие граничило с милостью второго отца.

Цзян Умяню вдруг показалось, будто по спине пробежал лёгкий холодок. Он недоумённо взглянул на яркое полуденное солнце, но, не заметив ничего странного, переступил порог главного зала.

Убранство просторного зала во многом походило на обычные рестораны: в самом центре возвышался помост для выступлений музыкантов и сказителей, а благодаря высоким окнам помещение буквально тонуло в солнечном свете. Идеальное место для театральных постановок и неспешного отдыха.

Вот только все предметы интерьера и посуда несли в себе неповторимый колорит уезда Шаоюань, столь непривычный для северян. Это было сделано умышленно — чтобы заезжие гости с порога проникались местной самобытностью.

Осмотрев зал, Цзян Умянь надолго задумался. Радостное возбуждение Лу Юя понемногу утихло. Заметив молчание судьи, он робко поинтересовался:

— Господин судья, что-то не так?

Каждый угол они с мастерами обсуждали до хрипоты, а перед сдачей по несколько раз сверяли интерьер с чертежами судьи. Лу Юй готов был заложить собственное жалованье, что никаких изъянов здесь нет и быть не может.

— Найди хорошего плотника, — Цзян Умянь протянул ему новый эскиз. — Пусть сделает по этому образцу небольшие деревянные шкатулки, размером с ладонь. Ещё нужно бы заглянуть к гончарам... Впрочем, не стоит. Пока ограничься деревянными коробочками.

«Шкатулки? Гончары?» — Лу Юй недоумённо уставился на чертёж, гадая, какую очередную задумку вынашивает судья, но расспрашивать не решился. Он лишь деловито уточнил сроки и место доставки.

Судья велел сложить готовые коробки на складе Павильона Пьяной Зари, а сам отправился на поиски даоса Цзинь Бухуаня. Ему требовалась помощь знающего человека в обжиге керамики.

В Великой Чжоу секреты гончарного ремесла оберегались чрезвычайно строго. Лишь несколько семей владели уникальными рецептами глазури и глины, скрывая их от чужих глаз. Впрочем, воровать чужие технологии Цзян Умяню не требовалось — он и сам знал немало способов. Загвоздка крылась в другом: все его методы опирались на использование каменного угля, а вот как поведёт себя обычный древесный уголь, оставалось загадкой. Удастся ли достичь нужной температуры обжига? Не пойдёт ли посуда трещинами? Без опытного мастера тут было не обойтись.

А упомянутый мастер тем временем яростно сражался с партией красного кирпича. Цзинь Бухуань с унынием разглядывал очередные глиняные черепки и заносил в журнал новые наблюдения: «Материал хрупкий, пористый, сцепление слабое. Пропорции неверны».

Швырнув кисть на стол, даос закрыл лицо руками и горестно вздохнул:

— Шаочи, друг мой! Я бьюсь над этой печью уже полмесяца! Половину бороды и волос спалил, а толкового кирпича так и не видать. Разве это справедливо? Ну скажи, где здесь хоть какая-то логика?

С цементом хотя бы можно было сослаться на неверные пропорции при замешивании раствора. Но с кирпичами всё было очевидно: они предназначались для кладки стен. Вот только кто в здравом уме согласится жить в доме, чьи стены можно раскрошить голыми руками?

Советник Линь усердно перепроверял приходно-расходные книги. Жалобы старого товарища он попросту пропускал мимо ушей, всецело поглощённый подсчётом трат на дрова и сырьё.

Казна уезда была скромной, и лишь наличие собственных рудников позволяло уездной управе покрывать расходы на подобные эксперименты. Тем не менее от вида итоговых сумм у советника Линя мороз шёл по коже.

Все эти траты ложились тяжким бременем на доходы от медного рудника и продажи плугов для заливных полей. К тому же спрос на плуги заметно упал: соседние префектуры уже закупили необходимое количество, и новых крупных заказов в ближайшее время не предвиделось.

Производимый цемент шёл в первую очередь на нужды самого Шаоюаня, так что получить от него быструю прибыль не получалось. На уездном бюджете камнем висела зависимость от одной лишь меди. С такими темпами, едва опустеют рудные жилы, Шаоюань покатится на дно. Впрочем, до этого было ещё далеко, и советник Линь понимал, что сам он до этого дня точно не доживёт.

Пока двое мужей предавались унынию — каждый по своей причине, — на пороге появился Цзян Умянь. Не успел он вымолвить и слова, как Цзинь Бухуань, позабыв о солидности, вскочил со стула и вихрем помчался навстречу судье.

— Господин судья! Вы пришли! Проходите же, скорее, присаживайтесь! — затараторил он.

Почтенный даос из-за проклятых кирпичей превратился в суетливого трактирного слугу — разве что полотенца через плечо не хватало.

С одной стороны, трудность не казалась непреодолимой, с другой — они зашли в тупик. Метод исключения не давал результатов: оставалось неясным, то ли нарушены пропорции при

замесе, то ли виновато само сырьё.

— И часто они так бьются? — Цзян Умянь покрутил в пальцах обломок кирпича, а затем углубился в записи даоса.

— С первыми партиями беда была в спешке, — Цзинь Бухуань почесал затылок и вытащил из ящика другие бракованные куски. — Мы закладывали в печь недосушенные заготовки. Снаружи они казались сухими, но из-за оставшейся внутри влаги при быстром нагреве их просто разрывало изнутри. Вот, посмотрите на этот срез — внутри сплошные трещины.

— А здесь мы слишком резко подняли жар. Потом мы учли эту ошибку и стали подкладывать древесный уголь постепенно. Только тогда кирпичи начали держать форму и перестали вздуваться.

— Но вот эта последняя партия...

Проглядывая записи, Цзян Умянь убедился, что даос зафиксировал почти все возможные переменные и нашёл технические решения для каждой технологической неполадки. Значит, дело было не в печи, а в самом составе смеси.

Но Цзян Умянь точно знал: рецепт верен. Цзинь Бухуань испробовал множество различных пропорций, но кирпичи, изготовленные по классической технологии, всё равно выходили на редкость хрупкими. Вывод напрашивался сам собой.

— Сырьё из последней партии то же самое? — спросил судья. — Его привезли прямиком с рудника, минуя посредников?

Советник Линь и Цзинь Бухуань переглянулись и без лишних слов бросились к мешкам с глиной. Если дело действительно в сырье, значит, на самом руднике что-то стряслось!

Мужчины посерьёзтели на глазах и принялись торопливо опустошать мешки, раскладывая перед судьёй образцы глины из последних поставок.

Пол комнаты усыпали кучки разноцветной земли. Из присутствующих экспертами можно было назвать двоих с половиной: советник Линь тянул лишь на «половинку», поскольку занимался лишь первичной подготовкой глины, а вот Цзян Умянь и Цзинь Бухуань знали тонкости дела досконально.

Даос сочетал в себе богатый практический опыт и глубокие познания, в то время как Цзян Умянь обладал непревзойдёнными теоретическими знаниями из книг, пусть и подкреплёнными меньшим числом личных опытов у печи.

Шаг за шагом они проверили каждый компонент смеси. После нескольких тестов виновник

обнаружился: им оказался каолин — белая глина, служившая основой смеси.

Цзинь Бухуань с досадой хлопнул себя по лбу:

— Эту глину нам привозили тремя отдельными возами, и всё за последнюю неделю! Хорошо, что у меня вошло в привычку сохранять по горсти из каждой партии для образцов, иначе нас бы точно обвели вокруг пальца!

Первые неудачи списывали на несовершенство печи и поспешность обжига, а оказалось, что корень зла таился в людской корысти. «Чуть было не осрамился перед уездным судьёй!» — сердито подумал даос.

Даос кипел от негодования, однако понимал: последнее слово в этом деле остаётся за Цзян Умянем.

Прожив в Шаоюане несколько месяцев, Цзинь Бухуань наслушался от советника Линя немало историй о местном судье. Цзян Умянь славился не только щедростью к верным людям, но и крутым нравом в отношении преступников — целые знатные семейства отправлялись за решётку в ожидании осенних казней.

И ведь тогда он только принял дела уезда. Теперь же, укрепив свою власть, судья вряд ли станет церемониться с вредителями.

Цзян Умянь и советник Линь принялись внимательно рассматривать каолин. В качественную глину подмешали обычную землю, из-за чего смесь потеряла вязкость, а готовые кирпичи выходили ломкими.

Очистка и просеивание глины производились прямо на руднике под присмотром уездных надзирателей. Стало быть, след вёл напрямиком на добычу.

Признаться, Цзян Умянь испытал облегчение, поняв, что причина кроется в человеческом факторе, а не в истощении или порче самой глиняной жилы.

Производство цемента и кирпича всецело зависело от сырьевой базы уезда. Обнаружился бы изъян в недрах — и пиши пропало, пришлось бы спешно перестраивать весь план развития Шаоюаня. Но раз за этим стоял чей-то злой умысел, задача упрощалась во сто крат.